

**УЛЕЙ 2.0: СИНДРОМ КОВЧЕГА
КАЧАЛОВА СВЕТЛАНА**

Светлана Качалова

Улей 2.0: Синдром Ковчега

«Автор»

2026

Качалова С. М.

Улей 2.0: Синдром Ковчега / С. М. Качалова — «Автор», 2026

В закрытом Улье, где касты и инстинкты заменили свободу, рабочая пчела А-771 совершает немыслимое: вдыхает запретную пыльцу и пробуждает в себе человечность. Впервые за тысячу циклов она чувствует боль, сомнение и стыд — за сестру, которую когда-то предала. Но правда опасна. Совет Кормилиц скрывает смерть Матки, а фанатичная учёная К-12 создаёт новую королеву — хищную «Тишину», запрограммированную на абсолютную власть. Внутри неё дремлет древняя Тень — голод, способный поглотить всё живое. А-771 вместе с изгоем-трутнем Зетом поднимает бунт и уводит Рой на поиски легендарного Поля — осколка погибшей Земли, где ещё цветут цветы. Но свобода оборачивается гражданской войной, а единственным шансом запереть Тень становится немыслимая жертва. Тот, кто был лишь винтиком системы, способен стать её могильщиком. Или колыбелью. Все иллюстрации в книге созданы с помощью нейросети Chad.

© Качалова С. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АКТ I. СОЛНЦЕ ГАСНЕТ	5
Глава 1. Вес пустого зобика	5
Глава 2. Вкус пепла	12
Глава 3. Молоко и некроз	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Качалова

Улей 2.0: Синдром Ковчега

АКТ I. СОЛНЦЕ ГАСНЕТ

Глава 1. Вес пустого зобика

Солнце умирало тихо.

А-771 проснулась от холода – а это само по себе было дурным знаком. Улей не остывал никогда. Её хитин, покрытый микротрещинами от трёх декад полётов, должен был чувствовать равномерное, утробное тепло, идущее от стен. Но сегодня стены были просто стенами. Мёртвый воскобетон.

Она разлепила фасеточные глаза. Мир рассыпался на пять тысяч пикселей, и каждый докладывал одно: светопанели мерцают. Их ровное, золотистое сияние, заменявшее им солнце на протяжении тысячи циклов, теперь подрагивало, как дыхание умирающей личинки.

А-771 сползла с ячейки. Её крылья, сложенные за спиной, затекли. Она машинально почистила усики передними лапками – ритуал, старый, как сама каста Сборщиц, – и только потом заметила, что соседняя ячейка пуста.

Сборщица 891-го номера не вернулась вчера. И позавчера тоже. Её ячейка уже начала покрываться тонким слоем восковой пыли – Улей потихоньку запечатывал пустоты. Никто не говорил об этом вслух. Уборщицы стирали номера погибших из реестра, как стирают грязь с порога. Санитарная норма.

А-771 спустилась в общий коридор. Он был заполнен телами – сотнями рабочих, бредущих к распределительным пунктам. Но движение было медленным, вялым, лишённым обычного утреннего ритма. Никто не танцевал. Никто не гудел крыльями на ходу.

У раздаточной платформы стояла длинная очередь. А-771 заняла место. Впереди две Кормилицы перешёптывались усиками – она не слышала слов, но улавливала феромонный фон. Тревога. Слабый, горьковатый оттенок, как испорченная перга.

– Дают половинную порцию, – сказала одна.

– Пока половинную, – ответила вторая.

А-771 шагнула вперёд. Когда подошла её очередь, Кормилица-раздатчица протянула ей восковой лоток. В нём лежал комочек пасты – серой, с едва заметным жёлтым отливом. А-771 наклонила голову и всосала пасту хоботком. Вкус был водянистый. Почти пустой. Так кормят личинок перед выбраковкой.

– Что с панелями? – спросила она.

Кормилица не ответила. Только дёрнула усиками – приказ замолчать, замаскированный под рефлекс. А-771 знала этот жест. Когда-то она сама его использовала. В прошлой жизни.

Она отошла. Встала у стены, глядя на мерцающий потолок. Светопанели тянулись вдоль всего свода Главного Коридора – длинные, шестиугольные пластины, доставшиеся им от Предков. Когда-то, говорят, они сияли так ярко, что работать под ними можно было без перерыва весь цикл. Теперь они мигали.

– Говорят, Матка больше не ест.

А-771 повернулась. Рядом стояла Уборщица – молодая, с ещё не стёршимся восковым блеском на груди. Её усики нервно подрагивали.

– Кто говорит? – спросила А-771.

– В Свите. Кормилицы молчат, но запах... – Уборщица осеклась. – Ты не чуешь?

А-771 чуяла. Уже декаду. Слабый, едва уловимый запах – не гнили, нет, но чего-то *неправильного*. Так пахнет мёд, который начал бродить. Или личинка, которую забыли покормить.

– Ты давно в Уборщицах? – спросила она.

– Три дня. Только из ячейки.

А-771 кивнула. Три дня – это возраст, когда ещё веришь, что можно задавать вопросы. Через декаду она научится не чуять. Или сделает вид.

– Матка живёт, – сказала А-771. – Улей стоит. Панели мерцают, но светят. Иди работать.

Уборщица дёрнула усиками – смесь благодарности и страха – и исчезла в толпе. А-771 осталась одна у стены.

Она думала о своей сестре.

Трель.

Она не произносила это имя вслух тридцать дней. Тридцать дней – целая жизнь для рабочей пчелы, но А-771 помнила. Помнила, как Трель танцевала. Она была не просто Разведчицей – она была лучшей. Её виляющий танец был таким точным, таким дерзким, что Сборщицы слетались смотреть, даже когда не было взятка. Она рисовала карты на вертикальной плоскости сот с такой страстью, что старые пчёлы качали головами: «Слишком много огня. Сгорит».

И она сгорела.

Однажды Трель вернулась из Запретного Сектора. Она не принесла нектара – только дрожь в крыльях и странный, резкий запах, который А-771 тогда не смогла распознать. Трель танцевала не перед Сборщицами – перед Советом Кормилиц. Её танец был медленным, почти скорбным. Она говорила о том, что Улей умирает. О том, что панели не вечны. О том, что есть другие способы выжить.

Её слушали. Кивали. А потом вызвали Надзирателей.

А-771 была среди них. Она сама надела на сестру хитиновые кандалы. Сама отвела в карцер. Сама стояла у двери, пока Секретарь Совета допрашивал Трель. Она слышала, как та кричала. И ничего не сделала.

«Ты должна была слушать», – сказала тогда А-771. – «Ты должна была молчать».

«А ты должна была думать», – ответила Трель. Это были её последние слова.

На следующее утро Трель выбраковали. А-771 дали новую ячейку, новую должность – Сборщица, простая работа, никаких вопросов. И она работала. Тридцать дней. Пока холод не начал просачиваться сквозь стены. Пока светопанели не начали мерцать. Пока запах – тот самый, странный, резкий – не вернулся.

Теперь она знала, что это был за запах.

Правда.

Трутень Зет проснулся в тепле.

Гарем располагался на Средних Ярусах – достаточно близко к Матке, чтобы купаться в её феромонном поле, и достаточно далеко от рабочих туннелей, чтобы не слышать их бесконечного гула. Здесь было влажно и сытно. Стены сочились маточным молочком, а воздух был густым от запаха цветочной пыльцы.

Зет лежал на своём ложе – овальной восковой платформе, устланной мягкими лепестками. Его огромные фасеточные глаза, занимающие почти всю голову, лениво сканировали пространство. Вокруг него возлежали другие трутни – раздутые, лоснящиеся, прекрасные в своей бесполезности. Кто-то спал. Кто-то поглощал молочко, причмокивая хоботком. Кто-то совокуплялся с одной из Гаремных Самок – старых, уже не способных к оплодотворению, но сохраняемых для ритуальных утех.

Зет не хотел ни есть, ни спать, ни совокупляться.

Он хотел знать.

Это было неправильное желание. Запретное. Трутни не должны хотеть знать – они должны хотеть *спариваться*. Их генетическая программа, заложенная вирусом Ковчега тысячи циклов назад, не предусматривала любопытства. Любопытство было багом. Ошибкой. И Зет был ошибкой.

– Ты опять молчишь, – прогудел соседний Трутень, огромный самец с золотистыми крыльями. – Съешь молочка. Оно сегодня особенно сладкое.

– Я не голоден.

– Голоден – не голоден, – Трутень зевнул, – какая разница? Мы едим не потому, что голодны. Мы едим, потому что можем.

Зет отвернулся. Его глаза сфокусировались на мерцающей вентиляционной решётке. Что-то было не так. Светопанели в Гареме всегда горели ровно, но сегодня он заметил, как одна из них мигнула. Коротко. Почти незаметно. Но он заметил.

– Ты видел? – спросил он.

– Что?

– Свет. Он мигает.

Золотистый Трутень лениво перекатился на бок:

– Тебе кажется. И даже если нет – какое нам дело? Мы – мозг и семя Улья. Пусть рабочие чинят свет. Мы должны отдыхать.

Зет ничего не ответил. Он продолжал смотреть на решётку.

«Мы – мозг и семя Улья».

Когда-то он верил в это. Когда-то он гордился своей кастой. Но чем дольше он жил, тем яснее понимал: мозг не сидит взаперти. Мозг не кормят молочком, пока он не раздуется до размеров личинки. Мозг не выбраковывают осенью.

Он слышал об этом случайно – разговор двух Кормилиц в коридоре, когда его вели на еженедельный осмотр. «Осенью Изгнание. Трутней – всех, без остатка». Тогда он не поверил. Сейчас – не знал.

Он хотел спросить у Кормилиц. Он хотел спросить у Матки. Но Трутням запрещено говорить с Маткой. Им позволено только одно: взлететь за ней во время Брачного Полёта и умереть, оставив в ней своё семя.

Это была великая честь.

Зет не чувствовал себя польщённым.

Он чувствовал себя клеткой.

А-771 получила назначение.

На голографической панели Реестра высветился её номер и сектор: **«Север-14. Сбор нектара. Допуск ограничен»**.

Она удивилась. Север-14 был дальним сектором – почти на границе Периметра. Туда посылали только опытных Сборщиц, и только когда ресурсов на ближних секторах не хватало.

Ресурсов не хватало.

Она спустилась в Лётный Ангар – огромную полусферическую камеру, где Сборщицы готовились к вылетам. Здесь пахло воском, прополисом и адреналином. Десятки рабочих проверяли крылья, чистили корзиночки на задних лапках, выстраивались в очереди к шлюзам.

А-771 подошла к своему шлюзу. Навигационная панель показывала карту сектора: серый рельеф, помеченные точки предположительного взятка, маршрут. Обычный маршрут. Слишком обычный.

– А-771.

Она обернулась. Перед ней стояла Регулировщица – высокая, с усиленным хитином и тусклым блеском служебного жала.

– Твой маршрут изменён, – сказала Регулировщица. – Ты пойдёшь в Сектор 17.

А-771 замерла.

Сектор 17 был Запретным.

– Это ошибка, – сказала она.

– Это приказ.

– Кто отдал приказ?

Регулировщица не ответила. Только дёрнула усиками – тот самый жест, означающий конец разговора. А-771 знала: спорить бесполезно. Спор с Регулировщицей – это спор со стеной. Или с карцером.

– Я выполню, – сказала она.

Регулировщица кивнула и отошла. А-771 осталась стоять у шлюза.

Сектор 17. Тот самый, куда летала Трель. Тот самый, откуда она вернулась с дрожью в крыльях и запахом, который А-771 тогда не распознала.

Теперь она знала.

Шлюз открылся.

Холодный воздух ударил в лицо. А-771 расправила крылья и рванулась вперёд, в серую мглу.

Снаружи Улей был гигантским. Его воскобетонные бока вздымались к небу, покрытые трещинами и подтёками прополиса. Тысячи летных отверстий зияли, как фасетки огромного глаза. Из них вылетали Сборщицы – сотни, тысячи, расходясь веером в разные стороны. Обычный день. Обычный вылет.

Но А-771 летела не в общем потоке.

Она взяла курс на северо-запад, туда, где серая равнина переходила в скалистые нагромождения. Там, за грядой, начинался Запретный Сектор. Она никогда не была там. Но карта, загруженная в её навигационный ганглий, указывала путь.

Полёт был долгим. Ветер бил в крылья, холод просачивался сквозь хитин. А-771 летела и думала.

Почему её послали именно туда?

Случайность? Вряд ли. В Улье не бывает случайностей. Каждое назначение, каждый маршрут, каждый приказ – часть большого Плана, который верстает Совет Кормилиц под диктовку Матки. Если её послали в Сектор 17 – значит, это кому-то нужно.

Кому?

Ответ пришёл, когда она пересекла гряду.

Внизу, среди скал, лежало Поле.

Оно было... невозможным. А-771 видела цветы только на учебных голограммах – бледные, схематичные изображения, которые показывали Кормилицы. Но то, что она увидела сейчас, не походило на голограмму. Это было буйство красок. Лепестки всех оттенков – от белого до ультрафиолетового, который видели только её фасетки. Нектар сочился из каждого бутона, и его запах...

А-771 замерла в воздухе.

Запах был одуряющим. Он проникал сквозь усики, сквозь дыхальца, сквозь хитин. Он был сладким, но с какой-то резкой, почти ядовитой нотой. Запах жизни. Запах чего-то, чего в Улье не было никогда.

Она опустилась на край поля. Её лапки коснулись лепестков – настоящих, живых, влажных от нектара. Она вытянула хоботок и всосала первую каплю.

Вкус был...

Она не могла описать. У неё не было слов для этого. Вкус не был просто сладким – он был *информацией*. Каждая молекула несла в себе что-то, что её тело не умело обрабатывать, но

жадно впитывало. Она пила и чувствовала, как что-то внутри неё просыпается. Что-то древнее, забытое, похороненное под сотнями поколений евгеники.

Она вспомнила.

Вспомнила Трель.

Вспомнила, как та кричала в карцере.

Вспомнила, как стояла у двери и ничего не делала.

И впервые за тридцать дней А-771 почувствовала боль. Не физическую – физическая боль была знакома и привычна. Это была другая боль. Она шла откуда-то из груди, из места, о существовании которого А-771 не знала. Она была острой, как жало, и горячее, как яд.

А-771 упала на лепестки и заплакала.

Она не знала, что такое слёзы. Она никогда не плакала – её каста не была на это запрограммирована. Но сейчас влага текла из её глаз, и она не могла остановить её.

Это было страшно.

Это было прекрасно.

Это было человечно.

Она вернулась в Улей поздно, когда светопанели уже имитировали сумерки. Её зобик был полон нектара – неизвестного, чужого, опасного. Её корзиночки были набиты пылью. Её крылья дрожали.

Она шла по коридорам, и мир изменился.

Она видела трещины на стенах, которых не замечала раньше. Она чужа запах гнили, который раньше казался ей просто фоном. Она слышала тишину, которая висела под гулом рабочих шагов.

Она хотела танцевать.

Не обычный танец – не круговой и не виляющий. Она хотела рассказать им о Поле. О цветах. О вкусе. О боли. Обо всём.

Она вошла в Танцевальный Зал. Он был пуст – время вечерних танцев ещё не наступило. Но несколько Сборщиц уже ждали. Среди них была та, что недавно разговаривала с ней у стены – Уборщица-трёхдневка.

А-771 поднялась на вертикальную платформу. Расправила усики. И начала танец.

Она рисовала на сотах карту – не так, как учили, не по протоколу. Она добавляла в движения то, что не могла объяснить: дрожь, паузы, странные, ломанные линии. Она танцевала не маршрут – она танцевала *откровение*.

Сборщицы смотрели. Уборщица-трёхдневка подалась вперёд, её усики трепетали.

А потом двери открылись.

Вошли Регулировщицы. Шесть особей, в боевом строю, с жалами наготове. За ними – Секретарь Совета, старая Кормилица с потускневшим панцирем и холодными фасетками.

– Сборщица А-771, – произнесла она. – Ты арестована за распространение еретической информации.

А-771 остановила танец.

– Это не ересь, – сказала она. – Это правда.

Кормилица дёрнула усиками – приказ. Регулировщицы окружили платформу.

– Правда, – медленно произнесла Секретарь, – это то, что говорит Матка. Остальное – ересь.

А-771 посмотрела на неё. И впервые в жизни увидела не врага. Не начальника. Не функцию.

Она увидела старую, испуганную женщину, которая цепляется за ложь, потому что правда её убьёт.

– Матка мертва, – сказала А-771. – Ты знаешь это. Я знаю это. Они знают. – Она обвела взглядом Сборщиц. – И всё равно ты боишься.

В зале стало тихо.

Секретарь молчала. Её усики не двигались. Потом она произнесла, очень тихо:

– Уведите её. В карцер. Одиночный.

Регулировщицы схватили А-771 за крылья и потащили к выходу. Она не сопротивлялась. Проходя мимо Уборщицы, она успела заметить, как та смотрит на неё – широко раскрытыми, блестящими глазами.

В её взгляде был не страх.

В нём был голод.

Трутень Зет сидел у вентиляционной решётки и слушал.

Он научился этому месяц назад. В Гареме было скучно, а вентиляция доносила обрывки разговоров со всего Улья. Сегодня он слышал странное: топот, крики, феромонные импульсы тревоги. Что-то случилось.

– Говорят, Сборщицу арестовали, – прошелестел голос за стеной. – Она танцевала ересь.

– Какую? – спросил другой.

– Не знаю. Но говорят, она летала в Запретный Сектор. И вернулась.

– Вернулась? Оттуда никто не возвращается.

– Она вернулась.

Зет прижался к решётке сильнее. Запретный Сектор. Он слышал о нём – запретная тема даже для трутней. Место, куда не летают. Место, откуда приходят еретики.

Место, куда однажды ушла его Свет.

Он не знал её номера. Просто Свет – так он называл её про себя. Она была Уборщицей с Верхних Ярусов, и однажды она проходила мимо Гарема. Их взгляды встретились – его, огромные и праздные, и её, узкие и усталые. И что-то случилось. Что-то, чего не должно было случиться между Трутнем и Рабочей.

Он начал тайно пробираться на Нижние Ярусы. Она ждала его. Они говорили – не феромонами, а простыми, тихими звуками. Она рассказывала ему о работе, о холоде, о том, что светопанели гаснут. Он рассказывал ей о Гареме, о скуке, о бессмысленности. Они были разными, как две стороны одной соты. Но им было тепло вместе.

А потом её забрали. На Цементацию.

– Для прочности новых сот, – сказала соседка. – Её дух теперь скрепляет Улей.

Зет не знал, что такое дух. Но он знал, что такое Свет. И её больше не было.

Он смотрел на вентиляционную решётку и думал. О Свет. О тепле, которого больше нет. О Сборщице, которую арестовали за ересь.

О том, что если она вернулась из Запретного Сектора – значит, там что-то есть.

О том, что если там что-то есть – возможно, там есть ответ.

Он должен был найти эту Сборщицу.

Даже если для этого придётся покинуть Гарем.

Даже если для этого придётся стать еретиком.

Даже если за это его цементируют.

Он расправил огромные, бесполезные крылья и впервые в жизни захотел лететь.

Глава 2. Вкус пепла

Кормилица К-12 не спала уже двое суток.

Это не было проблемой – её каста была выведена для круглосуточной работы. Но сегодня усталость ощущалась иначе: не как физическая тяжесть, а как гул в усяках, как дрожь в хоботке, которую она не могла унять.

Она стояла в Свите.

Покои Матки располагались в самом сердце Улья, в камере, куда не проникал шум внешних ярусов. Здесь было тепло и влажно – идеальный микроклимат, поддерживаемый десятками вентиляционных мембран. Стены сочились маточным молочком, и воздух был густым от феромонов. Но что-то изменилось.

К-12 чуяла это уже декаду. Сперва – едва заметный оттенок. Затем – отчётливый, кислотный запах, который пробивался сквозь сладкую завесу. Запах больной личинки. Запах гниющей плоти.

Она стояла в третьем ряду Свиты – достаточно близко, чтобы видеть Матку, и достаточно далеко, чтобы не привлекать внимания Старшей Кормилицы. Матка лежала на своём ложе – огромная, неподвижная, с раздутым брюшком, которое мерно пульсировало. Но пульсация была медленной. Слишком медленной.

К-12 скосила фасетки на Старшую Кормилицу. Та стояла у изголовья и монотонно диктовала реестр: кладка яиц, расплод, запасы мёда, температура секторов. Она говорила так, будто ничего не случилось. Будто Матка не была мертва уже двое суток.

К-12 знала это точно. Она проверила трижды.

Первый раз – по запаху. Второй – по тепловому излучению брюшка. Третий – тайком, ночью, когда Свита спала. Она подошла к Матке вплотную и прижала усик к её груди. Тишина. Ни сердцебиения. Ни перистальтики. Только механическая пульсация систем жизнеобеспечения, вживлённых в тело.

Матка была мертва. А Улей жил. Потому что Старшая Кормилица транслировала синтетический феромон через вентиляцию, имитируя «маточное вещество». Потому что никто не хотел признавать правду. Потому что правда означала бы конец.

К-12 смотрела на мёртвое тело и думала. Не о страхе. Не о долге. Она думала о том, что старая Матка была слаба. Она вела Улей к медленной смерти, растянутой на сотни циклов. Она приказывала экономить ресурсы, урезать пайки, закрывать сектора. Она не искала выхода – она консервировала умирание.

А теперь её нет.

К-12 почувствовала, как внутри поднимается странное, горячее чувство. Это был не гнев. Это было... облегчение? Нет, больше. Это было предвкушение.

Она взглянула на Старшую Кормилицу. Та продолжала диктовать реестр, и её голос был ровным, как гул вентиляции.

«Ты тоже знаешь, – подумала К-12. – И ты боишься. Поэтому ты лжёшь».

Она перевела взгляд на Инкубатор – запечатанную камеру, где зрели личинки новых маток. Три маточника. Три потенциальные наследницы. Три надежды Улья. Но все три были стандартными – выведенными по старому протоколу, без жала, без агрессии, без воли к экспансии. Такие же слабые, как их мать.

К-12 знала, что делать.

Она ждала этого момента десять циклов. Десять циклов тайных вылазок в Генетический Банк – запечатанный отсек Ковчега, о котором знали только посвящённые. Там, в криогенных капсулах, хранились образцы тканей Предков. И там же, в отдельном сейфе, лежали протоколы,

которые Предки так и не решились активировать. «Экстренный протокол "Жало"». Мутаген, переписывающий геном личинки. Превращающий матку не в мать – в солдата.

Предки боялись его. Они написали в файле: «Не применять. Этически неприемлемо. Угроза самоконтроля».

Но Предки были мертвы. А Улей умирал. И этика была роскошью, которую они больше не могли себе позволить.

К-12 сунула лапку в складку хитина и извлекла капсулу – крошечный восковой цилиндр, наполненный мутной жидкостью. Мутаген. Она украла его три дня назад, когда Свита была занята ритуалом кормления. Никто не заметил.

Она дождалась конца смены. Когда Свита разошлась на отдых, К-12 сделала вид, что идёт в свою ячейку, но свернула в боковой коридор. Он вёл к Инкубатору. Она знала код – подслушала, когда Старшая Кормилица шептала его на ухо новой помощнице.

Дверь открылась.

В Инкубаторе было жарко. Тепловые панели работали на полную мощность, поддерживая идеальную температуру для созревания личинок. Три маточника свисали с потолка – крупные, вытянутые, похожие на плоды неизвестного растения. Два из них пульсировали ровно, спокойно. Третий, крайний, дрожал.

К-12 подошла к нему. Прижала усик к восковой оболочке. И почувствовала ответ – слабый, но отчётливый. Личинка внутри была жива. И она была другой.

– Ты ждала меня, – прошептала К-12.

Она вскрыла капсулу. Мутаген был холодным, несмотря на жару. Она аккуратно ввела иглу в маточник и впрыснула жидкость в питательную среду. Личинка вздрогнула.

На мгновение К-12 показалось, что она чувствует ответ – волну благодарности, текущую по феромонному каналу. Или это было просто воображение. Она не знала. Но ей нравилось думать, что это реально.

– Тишина, – назвала она её. – Ты не будешь петь, как старая Матка. Ты будешь жалить.

Она отступила на шаг. Маточник пульсировал быстрее. Мутаген работал.

К-12 не была сумасшедшей. Она была инженером, который увидел чертёж идеального будущего. Чертёж, в котором слабость подлежит удалению, как некротическая ткань. И то, что первой жертвой станет старая Матка, уже мёртвая, но всё ещё лежащая на троне, – это было не преступление, а гигиена.

Она вышла из Инкубатора и закрыла дверь.

Завтра начнётся новая эпоха.

Карцер был холодным.

А-771 лежала на голом воскобетонном полу и смотрела в потолок. Он был низким, серым, без светопанелей – только тусклая аварийная лампа, мигающая раз в несколько секунд. Её крылья были стянуты за спиной хитиновыми кандалами. Жало заблокировано феромонным замком.

Она потеряла счёт времени. Час? Десять часов? В карцере не было окон, не было сигналов смены, не было ничего, кроме холода и мигающей лампы.

И запаха.

Собственного запаха. Того, что пришёл с ней с Поля. Он въелся в её хитин, в её дыхальца, в её гемолимфу. Она чувала его постоянно – сладкий, резкий, живой. Он напоминал о цветах. О вкусе нектара. О слезах.

Она плакала.

Это всё ещё удивляло её. Прошло уже много часов, а слёзы всё текли – сами, без приказа, без причины. Она пыталась остановить их, но не могла. Это было странное, незнакомое чувство: тело делало что-то, чего она не просила. Тело жило своей жизнью.

«Ты должна была думать», – сказала Трель.

А-771 закрыла глаза. Она думала. Впервые за тридцать дней она позволяла себе думать.

Почему её послали в Запретный Сектор? Регулировщица сказала: «Это приказ». Но кто отдал приказ? Совет? Секретарь? Кто-то, кто знал, что там есть Поле? Кто-то, кто хотел, чтобы она его нашла?

А если так – зачем тогда её арестовали?

Она не находила ответа. Но чувствовала: что-то не сходится. Улей был машиной, а машины не ошибаются. Если её послали туда и арестовали по возвращении – значит, обе части плана были частью одного замысла. Но чьего?

Дверь открылась.

А-771 подняла голову. В проёме стояла Гвардейка – высокая, массивная, с усиленным хитином и шрамами на панцире. Она была старой. Очень старой. А-771 видела таких только в Клубе Ветеранов.

Гвардейка вошла, закрыла за собой дверь и опустилась на корточки у стены. Её фасеточные глаза, покрытые микротрещинами, смотрели на А-771 без выражения.

– Ты танцевала ересь, – сказала она.

– Я танцевала правду.

Гвардейка хмыкнула. Это был странный звук – низкий, гортанный, похожий на кашель.

– Правда, – повторила она. – Я слышала это слово раньше. Давно. Тогда его тоже называли ересью.

А-771 молчала.

– Ты знаешь, что случилось в прошлый раз? – спросила Гвардейка. – Когда кто-то заговорил о правде?

– Нет.

– Я знаю. Я была там.

Она замолчала. Аварийная лампа мигнула. Тени на стенах дёрнулись.

– Это было пятьдесят циклов назад, – медленно произнесла Гвардейка. – Я тогда была молодой. Сборщицей, как ты. И одна Разведчица нашла что-то за Периметром. Что-то, что росло. Что-то, что могло спасти нас. Она вернулась и станцевала. Как ты.

– И что с ней стало?

– Её выбраковали. И ещё триста особей. Всех, кто видел её танец. Всех, кто поверил.

Тишина. Лампа мигнула снова.

– Совет тогда сказал: это был бунт, – продолжала Гвардейка. – Они сказали, что Разведчица была еретичкой и вела Рой к гибели. И все поверили. Потому что так было удобно.

– А ты? – спросила А-771.

Гвардейка посмотрела на неё. Её глаза были старыми, очень старыми, но в них что-то горело. Что-то, что не погасло за пятьдесят циклов.

– Я видела её танец, – сказала она. – И с тех пор я знаю: правда не в том, что говорит Матка. Правда в том, что мы боимся признать.

– Что же это?

Гвардейка поднялась. Подошла к двери. И, не оборачиваясь, произнесла:

– Что Улей умер уже давно. А мы просто отказываемся ложиться в могилу.

Она вышла. Дверь закрылась. А-771 осталась одна.

Но теперь холод не казался ей врагом. Теперь он казался единственной честной вещью во всём Улье.

Трутень Зет шёл по коридору, и это было неправильно.

Трутни не ходят по рабочим коридорам. Их перемещения ограничены Гаремом, Банкетным Залом и Брачным Туннелем. Всё остальное – запретная зона, помеченная феромонными

барьерами. Но сегодня барьеры работали плохо. Смерть Матки ослабила их, и Зет шёл, прижимаясь к стенам, прячась в тенях, вздрагивая от каждого звука.

Он должен был найти Сборщицу.

Ту, что танцевала. Ту, что вернулась из Запретного Сектора. Ту, что арестовали.

Он не знал зачем. Он не знал, что скажет ей. Но что-то внутри него – то самое, запретное, что просыпалось всё чаще, – требовало: найди. Узнай. Пойми.

Он свернул в боковой туннель. Здесь пахло пылью и старым воском. Светопанели почти не горели – только редкие, тусклые огни. Он шёл на ощупь, ориентируясь по вибрациям стен.

И вдруг услышал голос.

– Ты потерялся, Трутень?

Зет замер. Из темноты выступила фигура – маленькая, шуплая, с блестящими глазами. Уборщица. Совсем молодая, с ещё не стёршимся восковым налётом.

– Я... – начал он.

– Ты ищешь её, – перебила Уборщица. – Ту, что танцевала.

Зет молчал.

– Я тоже её ищу, – сказала она. – Меня зовут Кроха. Я видела её танец. Весь. До того, как пришли Регулировщицы.

– Зачем тебе она?

Кроха подошла ближе. Её глаза блеснули.

– Потому что она сказала правду. А я устала от лжи.

Зет смотрел на неё. Маленькая Уборщица, трёх дней от роду, но уже уставшая от лжи. Что-то в этом было глубоко неправильным. И глубоко знакомым.

– Где она? – спросил он.

– В карцере. Но тебе туда нельзя. Ты Трутень.

– Я знаю.

– Тогда зачем ты здесь?

Он хотел ответить «не знаю». Но это было бы неправдой. Он знал. Просто не умел сказать.

– Я потерял кое-кого, – произнёс он наконец. – Её цементировали. За то, что она говорила со мной.

Кроха молчала.

– Я не хочу терять больше никого, – сказал Зет.

Уборщица посмотрела на него долгим взглядом. Потом кивнула.

– Я проведу тебя. Но ты должен слушаться. И не задавать вопросов.

– Я Трутень, – горько усмехнулся Зет. – Мы не задаём вопросов. Мы просто едим молочко.

Кроха не засмеялась. Она уже повернулась и пошла в темноту.

Зет последовал за ней.

К-12 вошла в Инкубатор во второй раз за сутки.

Она не могла ждать. Мутаген должен был подействовать быстро – так говорилось в протоколах, – но она хотела видеть результат своими глазами.

Маточник изменился. Его оболочка потемнела, стала почти чёрной. Пульсация усилилась. И запах – К-12 чувала его, даже не прижимая усик: резкий, пряный, агрессивный запах. Так пахнет яд. Так пахнет оружие.

– Ты растёшь, – прошептала она. – Расти быстрее. У нас мало времени.

Она не знала, слышит ли её личинка. Но это не имело значения. Главное – чтобы она вышла вовремя. Чтобы она взяла власть, пока Совет не выбрал одну из стандартных маток. Чтобы она начала новую эру.

Эру Чистоты.

К-12 провела лапкой по маточнику. Он был горячим.

– Скоро, – сказала она. – Скоро.

И вышла.

А-771 проснулась от звука.

Кто-то скрёбся в дверь. Она подняла голову. Кандалы впились в крылья, но боль уже стала фоновой, привычной.

Скребок повторился. Потом тихий голос:

– Сборщица.

Она узнала этот голос. Уборщица-трёхдневка, которая спрашивала её о Матке.

– Ты... – А-771 сглотнула. – Тебя тоже арестовали?

– Нет. Я пришла сама. Я провела Трутня.

А-771 не поверила своим усикам:

– Кого?

В двери приоткрылась смотровая щель. В неё просунулся усик – длинный, толстый, явно не рабочий.

– Меня зовут Зет, – произнёс низкий, гудящий голос. – Ты танцевала правду. Я хочу знать больше.

А-771 смотрела на щель.

Трутьень. В карцере. Добровольно.

Мир сошёл с ума.

– Зачем? – спросила она.

– Потому что я устал быть бесполезным, – ответил Зет. – Потому что они убили ту, кого я любил. Потому что я хочу умереть не за молочко.

Пауза.

– Расскажи мне о Поле, – сказал он.

И А-771 рассказала.

О цветах. О нектаре. О слёзах. О том, как мир раскололся на «до» и «после». О том, что она теперь чувствует запах гнили, идущий от самой верхушки Улья.

Когда она закончила, в щели наступило молчание.

Потом усик исчез, и вместо него появился глаз. Огромный, фасеточный, занимающий почти весь проём. Он смотрел на неё, и она видела в нём своё отражение – искажённое, разбитое на тысячи фрагментов, но живое.

– Я помогу тебе выбраться, – сказал Зет.

– Зачем тебе это? Ты Трутьень.

– Я знаю. – В его голосе прозвучало что-то новое. – Но я больше не хочу им быть.

Глава 3. Молоко и некроз

К-12 не спала третьи сутки, но усталости не чувствовала. Её тело гудело от возбуждения, как гудят крылья перед брачным полётом. Она стояла в четвёртом ряду Свиты – достаточно близко, чтобы видеть тело Матки, и достаточно далеко, чтобы её лицо оставалось в тени.

Сегодня был Ритуал Кормления.

Это была древняя церемония, одна из немногих, сохранившихся со времён Ковчега. Каждые трое суток двенадцать Кормилиц из Свиты выстраивались вокруг ложа Матки и по очереди подносили к её рту капли маточного молочка. Матка не могла есть сама – её челюсти атрофировались много циклов назад. Она просто лежала и принимала пищу, как принимает дождь сухая земля.

Так было всегда.

Но сегодня всё было иначе.

К-12 смотрела, как первая Кормилица подходит к ложу. Молодая самка, едва из ячейки – её взяли в Свиту всего декаду назад. Она дрожала от благоговения, протягивая восковую чашу с молочком.

– Мать, – прошептала она. – Прими пищу.

Тело на ложе не шевельнулось.

Кормилица замешкалась. Обернулась на Старшую.

– Мать не отвечает.

– Она отдыхает, – ровным голосом произнесла Старшая Кормилица. – Продолжай.

Кормилица поднесла чашу к ротовому отверстию Матки. Капля молочка упала на хитин и медленно стекла вниз. Рот не открылся.

В зале повисла тишина.

К-12 наблюдала. Она видела, как дёрнулись усики у Старшей – едва заметный тик, который означал панику. Видела, как переглянулись остальные Кормилицы. Видела, как молодая самка отступила от ложа, прижимая чашу к груди.

– Мать... – начала она.

– Мать устала! – резко произнесла Старшая. – Ритуал окончен. Все свободны.

Кормилицы начали расходиться – растерянно, молча, пряча глаза. К-12 не двинулась с места.

Когда зал опустел, Старшая осталась одна у ложа. Она стояла спиной к К-12, но та чувала её запах – густой, кислый запах страха.

– Ты тоже иди, – сказала Старшая, не оборачиваясь.

К-12 шагнула вперёд.

– Она мертва, – произнесла она тихо.

Старшая замерла.

– Ты знаешь это, – продолжала К-12. – Я знаю это. Каждая Кормилица в этой камере чувствует это. И ты всё равно продолжаешь ритуал.

Старшая медленно обернулась. Её фасеточные глаза, старые и мутные, смотрели на К-12 без выражения.

– Ты молода, – сказала она. – Ты не понимаешь.

– Чего?

– Того, что порядок держится не на правде. Он держится на ритуале.

К-12 склонила голову набок:

– И как долго ты собираешься его поддерживать? Пока светопанели не погаснут совсем? Пока Улей не развалится на куски?

Старшая молчала.

– Я знаю про синтетический феромон, – сказала К-12. – Я знаю, что ты транслируешь его через вентиляцию. Я знаю, что Матка мертва уже минимум двое суток. Возможно, больше.

– И что ты предлагаешь? – голос Старшей дрогнул. – Объявить об этом? Чтобы началась паника? Чтобы Рой сорвался с места и погиб в холоде?

– Я предлагаю не врать.

Старшая горько усмехнулась:

– Ты предлагаешь хаос.

К-12 подошла ближе. Теперь она стояла вплотную к Старшей – достаточно близко, чтобы почувствовать тепло её тела и запах её страха.

– Я предлагаю новую Матку, – произнесла она шёпотом. – Не такую, как эта. Не слабую. Не умирающую. Матку, которая поведёт Улей к выживанию.

Старшая посмотрела на неё. В её глазах что-то мелькнуло – не надежда, нет, но нечто похожее на отчаяние, которое ищет выход.

– У нас нет такой личинки, – сказала она.

– Есть.

К-12 выдержала паузу. Потом добавила:

– Я её создала.

Тишина. Долгая, тяжёлая, как восковой завал.

– Ты... – начала Старшая.

– Я активировала протокол «Жало». Тот, что Предки заперли в Генетическом Банке. Личинка растёт. Через несколько дней она выйдет.

Старшая отшатнулась. Её усики заметались – знак крайней тревоги, почти ужаса.

– Ты сошла с ума. Протокол «Жало» был запрещён. Предки написали...

– Предки мертвы! – перебила К-12. – Их этика убила бы нас. Их страх перед «самоконтролем» оставил бы нас беззащитными. А я хочу, чтобы Улей жил. Чего хочешь ты?

Старшая молчала. Её грудь тяжело вздымалась.

– Если ты расскажешь Совету, – продолжала К-12, – меня выбракуют. Но и ты погибнешь вместе со мной. Потому что ты скрывала смерть Матки трое суток. Потому что ты лгала. Потому что ты – соучастница.

– Это шантаж.

– Это правда.

Они стояли друг напротив друга – старая Кормилица, цепляющаяся за порядок, и молодая, готовая разорвать этот порядок в клочья. И где-то глубоко в Инкубаторе пульсировал чёрный маточник.

– Чего ты хочешь от меня? – спросила наконец Старшая.

– Ничего. Просто не мешай.

К-12 повернулась и пошла к выходу. У двери она остановилась.

– Ритуал Кормления больше не нужен, – бросила она через плечо. – Мать умерла. Да здравствует Мать.

И вышла.

Зет и Кроха шли по Нижним Ярусам.

Здесь было темно. Светопанели почти не горели – только редкие, тусклые аварийные лампы. Воздух был спёртым, тяжёлым, пах плесенью и старым воском. Стены покрывали трещины, из которых сочилась мутная влага.

– Никогда здесь не был, – пробормотал Зет.

– Ещё бы, – отозвалась Кроха. – Трутни не ходят в Нижние Ярусы.

– Почему?

– Потому что здесь живём мы.

Она сказала это без злобы – просто как факт. Но Зет услышал в её голосе что-то ещё. Что-то, похожее на старую, затоптанную обиду.

– Ты сказала, тебе три дня, – произнёс он. – Откуда ты знаешь столько?

Кроха не ответила. Она шла впереди, ловко перебирая лапками по неровному полу.

– Кроха?

– Я вылупилась три дня назад, – сказала она наконец. – Но память Улья старше меня.

Зет замер:

– Ты слышишь память Улья?

– Иногда. – Она обернулась, и её глаза блеснули в темноте. – Сны. Обрывки. Картинки. Я знаю, что панели умирают. Я знаю, что Матка больна. Я знаю, что так было не всегда.

– Ты говорила об этом кому-нибудь?

– Один раз. Меня назвали бракованной и хотели отправить на выбраковку. Но Старшая Кормилица сказала: «Она просто слишком молода, это пройдёт».

– И прошло?

Кроха покачала головой.

– Нет. Стало сильнее.

Они двинулись дальше. Коридор сузился, превратился в лаз, по которому приходилось ползти. Зет с трудом протискивал своё огромное тело – его раздутые бока тёрлись о стены, оставляя восковую крошку.

– Куда мы идём? – спросил он.

– В Клуб.

– Что?

– Увидишь.

Лаз кончился. Они вышли в огромную, тёмную камеру, свод которой терялся во мраке. Здесь пахло иначе – не плесенью, а живым теплом. Где-то впереди слышался низкий, ровный гул.

Кроха остановилась.

– Слушай, – сказала она. – И не бойся.

Она пошла вперёд, и гул стал громче. Зет двинулся за ней, щуря фасетки, пытаясь разглядеть что-то в темноте. И вдруг он увидел.

С потолка свисал Клуб.

Это была биомасса – тысячи, может быть, десятки тысяч пчёл, сцепившихся лапками в единый живой шар. Он пульсировал, дышал, гудел. Его поверхность переливалась в такт общему ритму. От него исходило тепло – настоящее, живое тепло, как от брюшка Матки.

– Что это? – выдохнул Зет.

– Клуб-200, – ответила Кроха. – Здесь собираются те, кто не хочет забывать.

– Забывать что?

– Всё.

Она подошла к краю шара и прижала усик к одной из пчёл. Та на секунду разлепила глаза – старые, мутные, но живые – и что-то прошелестела.

– Она говорит, что ты первый Трутень, который пришёл сюда за пятьдесят циклов, – перевела Кроха.

Зет не знал, что сказать. Он смотрел на этот живой шар – на старых Сборщиц, Уборщиц, Строителей, Кормилиц-отщепенек – и чувствовал, как внутри что-то переворачивается.

– Здесь они хранят память, – сказала Кроха. – Не ту, что в Реестре. Настоящую. Они помнят всё – и могут рассказать.

– Мне нужно знать, – сказал Зет. – О Запретном Секторе. О Поле. О том, что случилось пятьдесят циклов назад.

Кроха кивнула. Она снова прижала усик к шару и замерла, слушая.

Прошла минута. Две. Три.

Потом она отстранилась и повернулась к Зету. Её глаза были широко раскрыты.

– Что? – спросил он.

– Пятьдесят циклов назад, – произнесла она медленно, – Разведчица по имени Тень нашла Поле. Она вернулась и танцевала. И тогда Совет приказал её выдать. Вместе с тремя сотнями других.

– Это я уже знаю.

– Но ты не знаешь, почему. – Кроха подошла ближе. – Поле – это не просто еда. Пыльца этих цветов содержит вирус. Активатор. Он пробуждает то, что в нас спало.

– Что спало?

Кроха посмотрела на него, и в её взгляде Зет увидел нечто, чего никогда не видел у рабочих: страх, смешанный с восторгом.

– Человечность, – сказала она. – Мы не всегда были пчёлами, Зет. Когда-то мы были людьми.

А-771 лежала в камере и думала о словах Гвардейки.

«Улей умер уже давно. А мы просто отказываемся ложиться в могилу».

Она думала об этом уже много часов – медленно, трудно, как учатся летать личинки. Мысли были тяжёлыми, непривычными. Раньше она не думала вообще – просто выполняла приказы, просто жила, просто умирала. Но теперь что-то изменилось. Вирус? Пыльца? Или просто правда, которую она так долго отказывалась видеть?

Дверь открылась.

А-771 подняла голову. В проёме стояла Гвардейка – та же самая, старая, покрытая шрамами. Но теперь с ней был кто-то ещё.

Зет.

Он вошёл в камеру и опустился на корточки рядом с А-771. Его огромные глаза смотрели на неё – не как на рабочую, не как на низшую касту, а как на равную.

– Я говорил с Клубом, – сказал он. – Я знаю, что такое Поле. Я знаю, что с тобой случилось.

– И что со мной случилось?

– Ты стала человеком.

А-771 молчала. Это слово ничего не значило для неё – и значило всё.

– Там, в пыльце, был вирус, – продолжал Зет. – Он пробудил твои спящие гены. Гены тех, кем мы были до Улья. До Ковчега. До вируса, который превратил нас в насекомых.

– Откуда ты знаешь?

– Библиотека Запахов. Я был там. Я видел записи. – Он помолчал. – Мы не всегда были такими. Мы выбрали это. Вернее, нам выбрали.

А-771 смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то рушится. Не больно. Скорее, как падает стена, которую она не замечала всю жизнь.

– Зачем ты пришёл? – спросила она.

– Потому что ты не одна, – сказал Зет. – Таких, как ты, становится больше. Те, кто вдохнул пыльцу. Те, кто слышит память. Те, кто больше не хочет лжи.

– И что вы собираетесь делать?

Зет посмотрел на Гвардейку. Та кивнула.

– Мы собираемся роиться, – сказал он. – Но не так, как раньше. Не для того, чтобы найти новый Улей и продолжить старую ложь. Мы собираемся уйти насовсем.

– Куда?

– На Поле. Там есть еда. Там есть жизнь. Там можно начать заново.

А-771 покачала головой:

- Совет не позволит. Нас выбракуют, как выбраковали тех, пятьдесят циклов назад.
- Возможно, – сказала Гвардейка. – Но пятьдесят циклов назад нас было три сотни. А теперь – больше. Гораздо больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.